

Истина существует

Жизнь Андрея Зализняка

в рассказах ее участников

Мария Бурас

Андрей Зализняк – великий русский лингвист, который доказал подлинность «Слова о полку Игореве» и сумел прочесть берестяные грамоты так, что мы теперь знаем, как говорил и чем жил Новгород тысячу лет назад. На его счету борьба со лженаучными лингвистическими теориями и «Грамматический словарь русского языка», на основе которого был построен поисковый алгоритм «Яндекса». «Истина существует» – первая биография Зализняка, собранная из его собственных рассказов и устных воспоминаний его родственников, друзей, коллег и учеников.

Война и эвакуация, детское увлечение языками, учеба в Париже, грандиозные научные открытия и лекции, собиравшие тысячи человек, – в этой истории нашли отражение советский быт, европейская академия, голоса Древней Руси, смутные девяностые и многое другое. Мария Бурас, ученица и давний друг Зализняка, поговорила с десятками людей и изучила множество документов, чтобы восстановить жизненный и творческий путь выдающегося ученого.

Мария Михайловна Бурас

Истина существует. Жизнь

Андрея Зализняка в

рассказах ее участников

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68291732

*Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников / Мария Бурас: Individuum; Москва; 2019
ISBN 978-5-6042627-7-1*

Аннотация

Андрей Зализняк – великий русский лингвист, который доказал подлинность «Слова о полку Игореве» и сумел прочесть берестяные грамоты так, что мы теперь знаем, как говорил и чем жил Новгород тысячу лет назад. На его счету борьба со лженаучными лингвистическими теориями и «Грамматический словарь русского языка», на основе которого был построен поисковый алгоритм «Яндекса». «Истина существует» – первая биография Зализняка, собранная из его собственных рассказов и устных воспоминаний его родственников, друзей, коллег и учеников. Война и эвакуация, детское увлечение языками, учеба в Париже, грандиозные научные открытия и лекции, собиравшие тысячи человек – в этой истории нашли отражение советский быт, европейская академия, голоса Древней Руси, смутные девятые

и многое другое. Мария Бурас, ученица и давний друг Зализняка, поговорила с десятками людей и изучила множество документов, чтобы восстановить жизненный и творческий путь выдающегося ученого.

Содержание

Предыстория	6
Мои собеседники	11
Конец истории	17
История	23
«Мама моя была в хороших отношениях со всеми»	30
«Если б я повернул не туда, то попал бы в детский дом»	42
«Страх был, что хозяин узнает»	51
«Нашу дружбу лучше бы называть любовью»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мария Бурас
Истина существует. Жизнь
Андрея Зализняка в
рассказах ее участников

© Бурас, М., 2019

© ООО «Индивидуум Принт», 2019

* * *

Предыстория

С Андреем Анатольевичем Зализняком мы знакомы с моего первого курса. Он читал нам «Введение в специальность» на ОСиПЛе (отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ), я ходила на его спецкурсы, дружила – и дружу – с его дочерью Аней, бывала у них дома. Не помню уже, с какого момента меня стали приглашать на дни рождения самого Андрея Анатольевича. Двадцать лет назад это началось, двадцать пять? На этих днях рождения собирались его давние друзья – в основном бывшие одноклассники, хотя и не только.

Каждый год 29 апреля я сначала звонила. К телефону всегда подходила Елена Викторовна Падучева, жена Андрея Анатольевича, и сразу начинала смеяться: «Ма-а-аша! Ну вы же придете? Сейчас я его позову». Зализняк брал трубку и своим особенным, возбужденно-радостным голосом говорил: «Да? А что же вы звоните? Давайте-давайте, мы ждем!» И мы приезжали с Максимом Кронгаузом, и Андрей Анатольевич сажал меня рядом с собой (всегда, всегда сидела справа от него, и на его днях рождения, и на Анютиных) и, немного по-птичьи поворачивая голову, как-то выжидающе улыбался и хохотал. Как он хохотал!

И все были еще живы.

А однажды – я приехала к нему вечером, уж не помню,

почему и зачем, и мы долго разговаривали у него в кабинете, а потом Татьяна Константиновна, мама Андрея Анатольевича, кормила нас на кухне гречневой кашей – он поехал меня провожать домой на такси. И вот я, привыкшая сама быть за рулем, ничтоже сумняшеся говорю водителю: «Сейчас, за знаком „только прямо“, надо сразу же повернуть направо!» Зализняк аж поперхнулся от удовольствия, хлопнув ладонями по коленям, как он обычно делал. И потом неоднократно мне это поминал – и всякий раз хохотал, хохотал!

М. Бурас и ААЗ дома у ААЗ, примерно 2000 год

Меня не было в России, когда он умер.

Это случилось 24 декабря 2017 года. В январе мне пред-

ложили написать о Зализняке книгу. Сначала я растерялась. Ну, верно: у меня в «послужном списке» уже было интервью с его мамой, Татьяной Константиновной, о ее жизни, — но ведь если бы я предполагала, что когда-нибудь придется писать об Андрее Анатольевиче, я бы все записывала, я бы поговорила с теми важными для него людьми, с кем уже не поговорить...

Было понятно, что без благословения Елены Викторовны Падучевой я ничего писать не стану. Она дала мне не только его, но и флешку с уникальной записью. На этой флешке — двухдневный разговор В. А. Успенского с Зализняком о его, Зализняка, жизни. Видео, записанное 28 июня и 2 июля 2010 года Владимиром Файером, начинается со слов Владимира Андреевича: «Это частный разговор двух лиц, таковым он и останется». Разрешение использовать эту запись дал мне сам Владимир Андреевич.

— Вам надо исходить из того, что книгу эту вы пишете, — строго сказал он мне, когда я с ним об этом заговорила. И я стала из этого исходить.

Я не разбираю тут научные достижения Зализняка. Мне это не по чину, да и писали об этом уже многие, и еще напишут. Эта книга — многоголосица рассказов об Андрее Анатольевиче, мои разговоры с почти тридцатью людьми, которые его близко знали в тот или иной период его жизни. Наверняка я поговорила не со всеми. Но, думаю, это не последняя книга о нем.

Пока я разговаривала с теми, с кем могла, вышли «Прогулки по Европе»¹ А. А. Зализняка – переиздание книги, подготовленной Еленой Александровной Рыбиной и выпущенной Еленой Гришиной в одном экземпляре к 70-летию Андрея Анатольевича в 2005 году. Всякий раз, когда здесь приводятся цитаты из его дневника или из писем маме, они взяты оттуда.

В уже упомянутой беседе В. А. Успенского (ВАУ) и А. А. Зализняка (ААЗ) есть такой обмен репликами:

ВАУ: *Ну, вот Колмогоров также самолетом не летает, это вы знаете.*

ААЗ: *Я знаю, да. Я рад, что вы в Praesens'e это сказали, конечно.*

Об Андрее Анатольевиче тоже очень трудно говорить в прошедшем времени. Все, с кем я разговаривала, периодически сбивались на настоящее. Потому что, как говорится в женеvской дневниковой записи Зализняка 1994 года, «болезни нет, старости нет, смерти нет».

С этими словами идеально рифмуется цитата из речи ААЗ на вручении ему Солженицынской премии: «Истина существует». Эта фраза на первый взгляд кажется банальной, но сила ее в том, что Зализняк точно знал, о чем говорил.

Спасибо Насте Чуковской, работавшей в издательстве

¹ А. А. Зализняк, *Прогулки по Европе* (СПб.: Нестор-История, 2018).

«Индивидуум», и его основателю Алексею Докучаеву за предложение написать эту книжку. Спасибо всем, кто согласился со мной об Андрее Анатольевиче поговорить. И простите те, с кем поговорить я не догадалась.

Человек может сохраняться после смерти через свое отражение в других, которые тебе даже не родственники.

Е. В. Падучева. «Мой Добрушин»²

² Е. В. Падучева, *Мой Добрушин*, доступно на <http://iitp.ru/ru/about/425.htm> (здесь и далее приведенные ссылки доступны по состоянию на 23 апреля 2019 года).

Мои собеседники

Леонид Александрович Бассальго – математик, доктор физико-математических наук, специалист в области комбинаторики, теории кодирования и теории информации; друг ААЗ.

Марина Анатольевна Бобрик – кандидат филологических наук, специалист в области истории русского языка, древнерусской письменности и культуры, доцент школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Константин Константинович Богатырев – лингвист, кандидат филологических наук; ныне программист (Сан-Диего, Калифорния, США); ААЗ был научным руководителем его курсовых работ, диплома и диссертации.

Аркадий Борисович Борковский – специалист по компьютерной лингвистике, технический директор Yandex.Labs (Пало-Альто, Калифорния, США), использовал работы ААЗ для построения поисковых алгоритмов.

Ирен Вайнен (в девичестве Гольденфельд, а позже Журдан) – французская преподавательница русского языка и специалистка по языкознанию, с которой ААЗ познакомил-

ся в январе 1957 года в Париже и был дружен всю жизнь.

Изабель Валлотон – женевская студентка ААЗ, его друг и постоянный участник Новгородской экспедиции с 1999 года. Преподает французский, латынь и древнегреческий в школе в Брюсселе (Бельгия).

Никита Дмитриевна Введенская – математик, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории № 4 (Добрушинской математической лаборатории) Института проблем передачи информации РАН им. А. А. Харкевича.

Алексей Алексеевич Гиппиус – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, специалист в области древнерусского языка и текстологии древнерусской литературы; с 1989 года – постоянный участник Новгородских экспедиций, соратник ААЗ по изучению берестяных грамот.

Анна Андреевна Зализняк – дочь ААЗ; лингвист, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН.

Светлана Леонидовна Ива́нова – фотохудожник; жена Вячеслава Всеволодовича Ива́нова.

Татьяна Константиновна Крапивина (11.12.1910–30.12. 2011) – мама ААЗ.

Максим Анисимович Кронгауз – лингвист, доктор филологических наук, профессор, завлабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик НИУ ВШЭ, соавтор проекта и соорганизатор Летней лингвистической школы.

Игорь Александрович Мельчук – лингвист, создатель лингвистической модели «Смысл↔Текст», один из создателей Московской семантической школы и основоположников математической лингвистики. Член Парижского, Американского и Европейского лингвистических обществ, Королевского общества Канады.

Савва Михайлович Михеев – историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН.

Елена Владимировна Муравенко – лингвист, кандидат филологических наук, соавтор и соорганизатор проекта «Летняя лингвистическая школа».

Леонид Алексеевич Никольский – одноклассник и

друг ААЗ; кандидат филологических наук, преподаватель литературы в школе, научный сотрудник Института художественного воспитания Академии педагогических наук (сейчас – Институт художественного образования Российской академии образования). Всю жизнь занимался театром, был режиссером и играл сам в Студенческом театре МГУ, ставил спектакли со школьниками в знаменитой 2-й школе в пору ее расцвета, а после – в других школах.

Елена Викторовна Падучева (26.09.1935–16.07.2019) – жена ААЗ; лингвист, доктор филологических наук, профессор, одна из крупнейших специалистов по русской и общей семантике, иностранный член Американской академии искусств и наук, член Европейской академии наук и Европейского лингвистического общества.

Николай Викторович Перцов – лингвист, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Александр Чедович Пиперски – лингвист, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик Школы филологии НИУ ВШЭ, директор Летней лингвистической школы.

Анна Константиновна Поливанова – лингвист, кандидат филологических наук; старший научный сотрудник Института классического востока и античности НИУ ВШЭ. С 1977-го по 1993 год преподавала на ОСиПЛе. Ученица и близкая приятельница ААЗ.

Елена Александровна Рыбина – замначальника Новгородской археологической экспедиции; доктор исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Владимир Михайлович Тихомиров – математик, доктор математических наук, заслуженный профессор МГУ.

Светлана Михайловна Толстая – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведомо этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

Борис Андреевич Успенский – филолог, лингвист, семиотик, историк языка и культуры, доктор филологических наук, профессор, завлабораторией лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ. Младший брат В. А. Успенского.

Владимир Андреевич Успенский (27.11.1930–27.06.2018) – доктор физико-математических наук, профессор мехмата МГУ им. М. В. Ломоносова, специалист по ма-

тематической логике; один из идеологов и организаторов отделения структурной (теоретической) и прикладной лингвистики на филологическом факультете МГУ; публицист и просветитель. Друг ААЗ.

Алексей Дмитриевич Шмелев – лингвист, доктор филологических наук, профессор МПГУ, заведомо культуры речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Елена Яковлевна Шмелева – лингвист, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Конец истории «Логика его жизни во всей ее непоправимой завершенности»

24 декабря 2017 года умер академик Андрей Анатольевич Зализняк.

Великий ученый, сделавший в лингвистике больше, чем, казалось бы, один человек может. Непревзойденный исследователь современной русской морфологии, древнерусской акцентологии, берестяных грамот; один из создателей жанра лингвистических задач; уникальный лектор, читавший студентам курсы неимоверного количества древних языков и собиравший многотысячные аудитории на своих ежегодных открытых лекциях о берестяных грамотах; неутомимый просветитель, боровшийся с популярными лженаучными теориями; человек редчайшей ясности ума, поставивший точку в вопросе о подлинности «Слова о полку Игореве». Яркий, радостный, счастливый гений.

Во всех откликах на известие о его смерти – и в разговорах, и в некрологах, и в воспоминаниях – звучит одна и та же мысль: в это невозможно поверить. Эта смерть во всех, кто его хоть немного знал, отозвалась, как точно пишет его коллега и бывшая ученица, академик Светлана Михайловна Толстая, обидой и чувством протеста:

Неожиданность его ухода повергла все научное сообщество в глубокую скорбь, смешанную с обидой и чувством протеста. В это невозможно было поверить, ведь к своим 82 годам ААЗ не успел состариться, он был легок и скор, полон молодого энтузиазма и интереса к жизни. Нам теперь предстоит осознать, что его жизнь кончилась, что он сделал то, что сделал, и сказал то, что успел сказать. Нам предстоит постичь логику его жизни во всей ее непоправимой завершенности.

За прошедшие дни было сказано и написано много прекрасных слов – это были не только слова боли его осиротевших учеников и коллег, но и впервые произнесенные, но давно сложившиеся в сознании оценки трудов и личности ученого и его роли в отечественной филологии. Его имя ставили в один ряд с именами корифеев отечественной науки о русском языке – А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Н. С. Трубецкого; его личность сравнивали с Моцартом и Пушкиным.

<...>

Его труды, составившие эпоху в развитии науки о русском языке, будут изучаться, будут издаваться и переиздаваться, на них будут воспитываться новые поколения русистов. Но больше не будет его лекций и докладов, его живого голоса, его провоцирующих вопросов к слушателям, его детского смеха, не будет его новых книг и статей. Тем, кому посчаст-

ливилось знать его многие годы и учиться у него, трудно с этим смириться³.

К своему дару Зализняк относился с удивительным, редко встречающимся в академической среде целомудрием: никогда не отвлекался на мелочи, не написал ни одной проходной работы, лишнего абзаца, лишней строки. Все, что он писал, было эталоном качества и служило решению главных жизненных задач. Отсюда – титаническая продуктивность, в последние годы не только не ослабевшая, но наоборот, возросшая. Стремление «дойти до самой сути» заставляло его вновь и вновь возвращаться к написанному – пополняя, исправляя, реагируя на новые данные.

<...> Фундаментальная лингвистика была в его исполнении начисто лишена унылой «серьезности», обретала моцартианскую легкость и пушкинскую простоту, заражала энергией радостного познания. Обаяние его личности было грандиозно, а на лекциях царила атмосфера праздника. И хотелось думать, что так будет всегда.

– Алексей Гиппиус⁴

Андрей Анатольевич Зализняк был не только великим

³ Светлана Толстая, Феномен Зализняка, 16 января 2018 года, доступно на <https://trv-science.ru/2018/01/16/fenomen-zaliznyaka/>.

⁴ Алексей Гиппиус, *Ни одной проходной статьи, ни одной лишней строки*, 25 декабря 2017 года, доступно на <https://meduza.io/feature/2017/12/25/ni-odnoy-prohodnoy-stati-ni-odnoy-lishney-stroki>.

ученым, но и человеком, который распространял вокруг себя радость научного познания.

– Александр Пиперски⁵

Современная наука потеряла своего великого представителя, но еще, что, может быть, не до конца осознано, – ученого, задающего меру научного и, если хотите, человеческого поведения. Заведомо недостижимую, но воплощенную в нем и потому существующую в реальности, и это очень важно для всех остальных.

<...> Чуда не объяснишь. Но, в частности, секрет – в невероятной огромности научного замаха и в простоте и точности достигнутых результатов, которые вместе дают эффект гениальности. Андрей Анатольевич все делал до конца и никогда не останавливался.

<...> Ярчайшая личность, веселый и ироничный, увлекающийся и увлекающий за собой человек, верящий в силу разума и готовый бесстрашно взяться за решение любой задачи, а потом поделиться своим решением.

– Максим Кронгауз⁶

⁵ Александр Пиперски, *Яснее не скажешь*, 25 декабря 2017 года, доступно на <https://nplus1.ru/material/2017/12/25/andreyazaliznyak>.

⁶ Ксения Кнорре-Дмитриева, *Что потеряла современная наука с уходом Андрея Зализняка. Рассказывает профессор, доктор филологических наук Максим Кронгауз*, 28 декабря 2017 года, доступно на <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/12/28/75063-cto-poteryala-sovremennaya-nauka-s-uhodom-andreya-zaliznyaka>.

Андрей Анатольевич был совершенно уникальным явлением. <...> Зализняк демонстрировал, если можно так выразиться, высшие возможности человеческого интеллекта; он показывал, каким в принципе может быть человек, каких высот он может достигать.

<...> Вообще, вносить рациональный смысл в то, что всем остальным кажется хаосом, – это подлинная стихия Зализняка, его фирменный почерк.

<...> Счастье, что он был с нами, что мы его видели и знали. Невозможно представить, что больше не будет его лекций, его открытий, его книг. Его самого.

– Владимир Плунгян⁷

Коллеги-лингвисты, друзья – историки, математики, другие – и просто все, кто знал его, слышал лекции и выступления, когда прошел первый шок, говорили одно и то же: «казалось, он будет всегда», «таких, как он, больше нет», «пустота в душе». <...> Он был выдающимся исключением из разных законов природы. И мы подсознательно надеялись, что и самый неумолимый ее закон его обойдет.

<...> Но память выхватывает иные, живые кадры, которые не столько видишь, сколько предвкушаешь... Зализ-

⁷ Егор Михайлов, «Его лекции собирали стадионы»: коллеги-филологи об академике Зализняке, 25 декабря 2017 года, доступно на <https://daily.afisha.ru/brain/7763-ego-lekcii-sobirali-stadiony-kollegi-filologi-ob-akademike-zaliznyake/>.

няк смеется на базе новгородской экспедиции над песней и хлопает себя по колену... Зализняк приглашающим жестом просит слушателя повторить погромче правильный ответ на вопрос... Толпа людей всех возрастов набивается в любую аудиторию на любой объявленный доклад Зализняка – ведь это не может быть скучно... Зализняк входит в аудиторию, где студенты будут разбирать у доски индийские Ве-ды или русскую Космографию, улыбается и кладет на стол портфельчик...

Нельзя поверить, что нам, современникам Зализняка, жить дальше, а этого счастья уже не будет.

– Дмитрий Сичинава⁸

Откуда же взялся Андрей Анатольевич Зализняк, он же Заля, как звали его школьные друзья, и чем он так замечателен, что его смерть во вполне уже преклонном возрасте вызвала такую обиду и протест?

Начнем с начала.

⁸ Дмитрий Сичинава, *Казалось, он будет всегда*, 25 декабря 2017 года, доступно на <https://gorky.media/context/kazalos-on-budet-vsegda/>).

История «Отец научил меня пониманию того, как устроены открытия»

Андрей Анатольевич Зализняк родился 29 апреля 1935 года.

– Оба моих родителя, – рассказывал ААЗ в беседе со своим другом, математиком Владимиром Андреевичем Успенским (ВАУ), – интеллигенты в первом поколении. По-видимому, так это надо называть. Дети раннесоветской интеллигенции нового времени. Отчасти поэтому оба они в силу того, что в ту эпоху казалось очевидным, имеют образование технического типа. Притом что оба на самом деле имели склонность к другому. Ну, мама моя в другое время была бы не химиком, как она прожила свою жизнь, а художницей. А отец мой, если бы не та эпоха, был бы не инженером, а архитектором. И это сказывалось постоянно, дома у нас всегда были журналы по архитектуре.

Отец мой был человек, необычайно широко интересующийся всем, что бывает. Правда, в основном из технической точной среды, нежели гуманитарной. Но это если не считать архитектуры, которая на грани этих двух вещей. И очень много мне дал – общего представления о том, что стоит знать и что не стоит. Что стоит постараться уметь и что не сто-

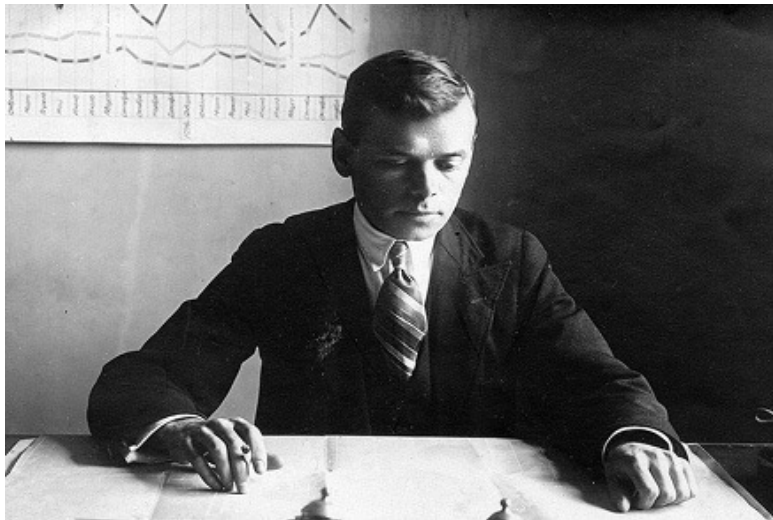
ит. Например, он не любил мне объяснять, отвечать на мои вопросы, допустим, как устроен звонок. Давал мне какие-то общие соображения – «А теперь ты сам можешь придумать схему, чтоб он работал». Доводил меня до того, что я ему предлагал некоторую схему, где надо нажать на кнопку и достичь того, чтоб что-то зазвенело.

ВАУ: Это в каком возрасте было?

ААЗ: Не помню точно. Наверно, лет девяти.

ВАУ: Лет девяти – это, значит, последние годы войны.

ААЗ: Да. И внушал мне идею – не прямо, но фактически, что понять коротко можно даже самые сложные вещи. Нужно только смело браться за попытку понять именно суть дела. Ну, в частности, например, заставлял меня сообразить, каким образом могут появиться предметы в космическом пространстве. Грубо говоря, догадаться до чего-то типа идей Циолковского: почему надо взрывать ракеты в шаре, в котором имеется одна дырка. Тогда не нужен воздух, чтобы ракета полетела. Ну, подсказывал, конечно, это несомненно. Тем не менее это создавало у меня ощущение, что я догадался. Суть.

Анатолий Андреевич Зализняк, отец ААЗ, конец 1930-х гг.

Научил меня еще ценнейшей вещи – пониманию того, как устроены открытия. В основном его интересовали, конечно, великие открытия техники. От него я получил представление, что история цивилизации есть история бросков вперед. Технических. В конце стояли межпланетные снаряды, до этого – паровая машинка, еще что-то. Что во всех этих случаях имеются две совершенно разные вещи, два достижения человеческого ума абсолютно из разных областей, которые понимать надо, – отдельно одно, отдельно другое. Одно – это некая безумная идея, рождающаяся в голове человека

и не имеющая никакого отношения к практике. Две разные плоскости совершенно. Одно – это гениальная идея, которая может прийти в голову человеку, который может вообще в это время сидеть в тюрьме, как Кибальчич. Циолковский не сидел, а Кибальчич сидел. Не имея ничего, даже бумаги. Которая, однако ж, имеет великую ценность в том, что она есть идея плодотворная. А другое – это задача инженера. Которому уже сказали, как это должно быть, а вот он должен придумать, какие металлы использовать, какие... Чтобы это оказалось вообще реализуемо. Очень часто кажется, что никак не реализуемо, потому что все это должно сгореть прежде, чем начнет работать, еще что-то. Вот он должен придумать, как. Это тоже очень большая изобретательность нужна, инженерная. Когда эти две вещи складываются, тогда и получается вот такой бросок в истории цивилизации. И как-то, на каких-то примерах я это понимал. Ну и действительно, закладывалось такое ощущение, что можно самому дойти до чего-то очень важного, интересного. И может быть, отчасти на этом я потерял многое из той жизни, которая у многих бывает, когда люди прочитывают тысячи книг. Я не прочитывал тысячи книг.

ВАЗ: То есть? Не понимаю, как это связано.

ААЗ: А так связано. Если человек считает, что он сам до всего может догадаться, то он мало читает. Я замечал, что если человек необычайно глубоко нагружен огромным количеством знаний, то догадываться ему труднее.

Так что я думаю, что я отцу своему обязан своим такого рода направлением представлений о том, что бывает и чего не бывает. Если бы у меня были гуманитарные родители, я был бы более начитанный человек, который ценил бы совсем другое.

– Андрей не был большой библиофил и эрудит, – рассказывает Елена Викторовна Падучева. – Он как раз склонен на самом деле сам все придумать, а потом как-то судорожно искать, на кого бы сослаться.

– А вы до какого примерно возраста общались с отцом? – продолжает спрашивать Зализняка В. А. Успенский.

ААЗ: Лет до 12, наверно. До 17, может, не помню.

ВАУ: Пока вы учились в школе?

ААЗ: Пока он был в семье.

ВАУ: Он в Москве работал? Где он работал?

ААЗ: В разных местах. Стекольная промышленность была его зоной, он замечательный был совершенно инженер по стеклу.

ВАУ: Когда я его видел, когда вы меня ему представили, он занимал совершенно замечательную должность: он был главный инженер в Гусь-Хрустальном.

ААЗ: В Гусь-Хрустальном, да. Последний его опыт жизни был в Гусь-Хрустальном.

ВАУ: А когда он в Москве работал, то где?

ААЗ: На одном из стекольных заводов. Стекольные заводы располагались не в самом центре Москвы, они или на пе-

риферии, или просто в маленьких городах... Но с точки зрения своей профессиональной жизни, конечно, он был необычайно талантливым инженером, в этом я уверен совершенно. Какие-то существенные его открытия даже мне были понятны. Какие-то изобретения, которые давали возможность, сейчас бы сказали, рационализировать процесс стекловарения. Но отдельно совершенно было то, что он как человек был чрезвычайно упрям и непокладист – и людям не угождал, и отступаться от каких-то своих понятий о том, что нужно делать и что не нужно, не отступался. И это была, как выяснилось, безнадежная линия. Почему? Потому что по этой причине его замечательное изобретение, которое произошло в годы войны, не имело никакого хода 30 лет. А через 30 лет оказалось новым словом в стекловарении. Потому что 30 лет он отказывался от практики, которая, как выяснилось, была совершенно заурядной: он подает заявку на изобретение, а вторым человеком приписывается замминистра или кто-нибудь подобный. 30 лет ему казалось это омерзительным. А через 30 лет он стал старый и сдался. И как только он сдался, немедленно все стало происходить...

ВАУ: Уже не тот замминистра...

ААЗ: Нет, сорок раз сменился! Сразу выяснилось, что это покупает Япония, покупает Канада... Он еще застал время, когда ему полагалось... Ну, честно говоря, не помню – ноль целых три десятых промилле от авторского гонорара. Который он не мог получить все равно. Но это уже было незадол-

го до его смерти.

ВАУ: Как же все-таки он держался главным инженером Гусь-Хрустального с таким характером?

ААЗ: Ну, уже была какая-то практика вызова его на аварийные ситуации. Спасал остановившуюся печь и тому подобные вещи.

«Мама моя была в хороших отношениях со всеми»

Свою мать, Татьяну Константиновну Крапивину, Андрей Анатольевич очень любил. До самой ее смерти – она умерла 30 декабря 2011 года, успев отметить свой сто первый день рождения, – они жили вместе. Ни разу, говоря о ней с Успенским, он не сказал просто «мама» – только «моя мама» или «мама моя»:

Она работала всю жизнь в институте, называвшемся НИИОГаз: научно-исследовательский институт очистки газа. Ну, грубо говоря, выхлопные и тому подобные газы. Маленький такой институтик. Вся жизнь такая – прошла более-менее одинаково – нормального научного работника без степени. Без особенно далеко идущего вдохновения, поскольку такое жизненное вдохновение, скорее всего, в молодости было, – но добросовестно все это делала. Как раз всегда, в отличие от отца, мама моя была в хороших отношениях со всеми, с кем она сотрудничала. Много друзей всегда у нее было.

Сама о себе Татьяна Константиновна рассказывала мне через несколько месяцев после своего 100-летия так⁹:

⁹ Мария Бурас, Татьяна Крапивина, 10 августа 2011 года, доступно на http://bg.ru/society/tatyana_krapivina-8935/.

– Я родилась 11 декабря 1910 года. Да, 100 лет мне исполнилось в прошлом году.

У меня со стороны отца, Крапивина, сведения доходят только до деда. Дед – Филипп Иванович Крапивин – уроженец какого-то, видимо, подмосковного места. Не знаю, откуда он: из крепостных, из крестьян или из мастеровых. Он сам сделал свою карьеру – купца какой-то гильдии. Дед был очень богатый человек. Семья у него была – 11 сыновей и две дочери. В Москве у него была скобяная торговля на улице Балчуг – это самая такая купеческая улица в Замоскворечье. Мне приходилось видеть его магазин. У него был дом в Кадашах, на Кадашевской набережной. Возможно, он еще стоит и до сих пор, нетронутый.

А дед по матери был из села Спасское Городище, это Суздальский уезд, километрах в двадцати от Суздаля. Там было Спасское Городище, Барское Городище... Барское пропало, а Спасское Городище, кажется, живет до сих пор. И вот из Спасского Городища мои предки по тихоновской, материнской линии. Оттуда выходец дед мой – Григорий Зиновьевич Тихонов. А у него был отец – Зиновий Ефимович; и дядя, брат отца, Павел Ефимович. По семейным рассказам, главное действующее лицо был именно Павел Ефимович, человек бездетный. Детей у них с бабушкой Анной почему-то не было, но вот воспитанник у них был общий – одному сын, другому племянник – дед мой. Кто они были? Скорее всего, из крепостных церковных. Ведь весь Суздаль – он же весь

церковный, город был известен именно как гнездо православия. И у них были, конечно, крепостные свои; по-видимому, прадеды и были из этих крепостных церковных крестьян. Впоследствии дед мой, Григорий Зиновьевич, стал одним из уважаемых граждан города Владимира, собственником дома владимирского и процветающей компании – подряды по каменным работам. Он был подрядчик по строительному, по каменному делу. Вот он сумел настолько продвинуться, настолько разбогатеть, что заимел собственный дом, двухэтажный. Как водилось тогда, первый этаж – каменный, это складские помещения. А второй – деревянный, жилой. Большой дом. И я там жила какое-то время. Сейчас, наверное, этого дома нет, а 10 лет назад он, возможно, еще стоял.

Т. К. Крапивина с мамой, Михнево, 1914–1915 гг.

К концу позапрошлого века, году в 1900-м, дед уже настолько вошел в силу и хозяйство, у него было трое сыновей, три дочери, все уже семейные люди, внуки уже были – к

этому времени он настолько вошел в силу, что купил у разорившегося хозяина соседнее имение – деревня Якиманская называлась. Это был княжеский дом, дворцового типа. От него потом ничего не осталось. В этом имении и мать моя девочкой жила, и тетки мои две, и трое дядей моих тоже там жили. Все они были молодые в то время, все учились.

Мама ААЗ Т. К. Крапивина, 1926 год

Между этими двумя семьями, московской и владимирской, было много родственных связей. В общем, там такая взаимная родня получилась, они все уже были родственники, разные мои дядя и тетки переженились друг на друге по цепочке.

У мамы было странное имя, которое я нигде потом не встречала, это чисто монашеское имя – Евстолия. Дома маму звали Тоша. Она, видимо, была очень хороший человек, потому что о ней все домашние вспоминали как-то по-хорошему. Она рано умерла. Я была не первая у моих родителей, вначале был сын, но он прожил лишь несколько недель. После меня была еще девочка... В общем, я была первой выжившей из детей. Тогда это было обычно – среди детей кто-то умирал. Вот у деда, у которого было 11 сыновей, там какие-то еще по дороге младенцы умирали, это уже не в счет. Считали тех, кто выжил.

А отец мой, Константин Филиппович Крапивин, видимо, сельскохозяйственную академию окончил, имел образование агронома. Дед старался дать образование всем детям. Старший сын был по его линии, по купеческой, Иван Филиппович, а дальше уже кто куда. Но все образование получили.

Мои родители примерно до начала войны [Первой мировой] жили в Москве, в Сокольниках. Мать работала зубным врачом. А мой отец совместно с двумя своими братьями (их

было, по-моему, не то трое, не то четверо) – у них было коллективное хозяйство на станции Михнево – у них там было небольшое поместье, там жил Иван Филиппович, старший брат отца, со своими детьми, а мой отец был одним из хозяев. И мы в Михневе жили летом.

Началась война. Я помню, как мы оттуда переселялись, уже не в Сокольники, а во Владимир, – и дальше я была уже там, у бабушки с дедушкой.

Что было до 1917 года, у меня в памяти уже ничего не осталось. Более-менее я начинаю вспоминать, когда во Владимир привезли схоронить мать, – это был самый конец 1917 года. Умерла она в Москве. У нее был туберкулез, чахотка тогда это называлось. Ее возили в Крым подлечить, но, видимо, там не вылечили и привезли, по существу, умирать домой. С ней ездила ее мать, моя бабушка. А я была во Владимире, и там тетки были, дед мой – в общем, вся оставшаяся там тихоновская родня, какая была. Причем деда уже выселили из его имения как раз в это время.

Я со старшей теткой тогда была, это она занималась переселением из Якиманского имения. Это как раз до того происходило, как мать привезли. Поэтому, когда мать привезли, то уже во Владимир, не в Якиманское. Ведь в 1917 году, после октября, начали уничтожать помещиков. Там через год-другой уже пусто было. Фотография только одна и осталась. Тогда все крушили – вместо того чтобы использовать. Там же хозяйство было налаженное, как и везде. Налаженное хо-

зьяйство разрушили, породистый скот – на мясо...

1918 год – это очень трудное время было, время разрухи, время полного хаоса. Дед мой прожил недолго, он умер, наверное, через год, максимум через два после того, как имение отобрали и разрушили. Видимо, он не пережил этого. Во владимирском доме хозяйничала бабушка, она была еще более-менее в силе. Там же жил со своей семьей старший ее сын, мой дядя, Николай Григорьевич, инженер-технолог по железным дорогам и, кстати, музыкант. Средний – мой дядя Саша – был медик, хирург. Он на войну сразу попал, как она началась, а с войны привез себе жену, вот они во владимирский дом с ней вернулись и там жили. И тетка моя старшая с дочерью, моей двоюродной сестрой, которая старше меня namного, на 10 лет. Когда ей было лет 17, а мне было лет 7 – вот она-то мною в какой-то степени занималась, пока не уехала в Москву. Читать меня учила, писать.

Такой был хаос. Поскольку я была ребенком, это меня мало касалось, но я помню ночные переполохи, какие-то обыски там происходили, какой-то криминал искали, буржуев искали. И в доме ходили, чего-то искали. Помню, что я тряслась со страху. Помню, очень голодное время. Большое, запомнившееся событие – какой-то пирог испекли, что-то такое очень редкостное, праздничное. А потом помню, что одно лето мы с бабушкой жили не во Владимире, а в Спасском Городище, где был дом, который когда-то принадлежал моим дедам-прадедам. Но тогда он уже деревенскому общему

хозяйству принадлежал. Он и сейчас стоит.

А отец был в санатории в это время, не во Владимире. Тоже туберкулез. Он в этом санатории и сгинул. Хоронили его родичи мужа сестры его владимирской, Мурашкины. Во Владимире хоронили. Это тоже, видимо, года два-три спустя, где-то так – если мать умерла в 1917 году, отец умер не позже 1920 года.

Но я уже была в Москве, и до меня это уже не доходило. Меня взял к себе в семью дядя, младший сын бабушки, Вячеслав Григорьевич Тихонов. Дядя Вича мы его звали. Он был физик, его после учебы при университете оставили, и получил он квартиру от университета – не целиком, а ему причиталась половина. Как он там числился, какой у него был чин – я не знаю. Но он не был профессором, профессором он стал уже потом. Профессорам полную квартиру давали, а ему – половину, три комнаты. Не в университетском здании, а в новом, в Шереметьевском переулке, уже специальном жилом здании. А некоторые, несколько семей, жили еще в здании университета, непосредственно в главном здании. Там жил ректор университета во времена, когда Вавилов еще жил, – в здании физического института, на Моховой, в главном здании. Их всех переселили после войны оттуда. А в войну все жили там.

Да, семья дяди Вичи. Я думаю, бабушка с него слово взяла, что он меня не оставит, вот он и взял. А там, видимо, жить было уже совсем невозможно. При мне у дяди с женой

его, тетей Таей, Таисией Сергеевной, брат мой двоюродный родился – 31 декабря, в ночь на 1 января, с 1920-го на 1921 год. А до этого за три года родилась еще дочь, Мария. И так я застряла в этой тихоновской семье до конца.

В школу я начала ходить первый год во Владимире, это, видимо, 1919 год. В школе нас чем-то подкармливали, помню, какие-то кусочки сахара давали. Голодное же было время. Чему-то нас учили в школе, но запомнилось, что чем-то нас подкармливали. Во всяком случае, когда меня привезли в Москву, я ходила уже не в первый класс. Московскую школу я уже помню, я ходила в Кисловский переулок – это была бывшая гимназия Травниковой.

А жила я тогда в Шереметьевском переулке, в той самой квартире, которую в 1903 или 1905 году дядя мой получил от университета. Причем эта квартира у нас уже была частично уплотнена. После войны это было всеобщее – переселение из подвалов и прочее. Трехкомнатная квартира была, и в одну из комнат к нам подселили. Разные были жильцы – менялись. Я жила с дядей, его женой и детьми. В отселенной комнате – это чужие люди жили, а у нас оставалось две большие комнаты, одна комната была перегороджена, там был такой закуток, в котором ютились дети...

В университет я поступила в 1926 году, а кончали мы в 1931-м. Полагалось 6 лет учиться, а мы кончали в ускоренном порядке, у нас была сокращенная программа.

В 1932 году началась моя замужняя жизнь. Мой муж,

Анатолий, на пять лет меня старше, он инженер-стекольщик был, специалист по стекловаренным печам. Он был взрослый человек уже, работал на стекольном заводе. Сын Андрей родился в 1935 году, не сразу. Ну, и я работать пошла после окончания в лабораторию при Проектном институте газоочистки. Эта лаборатория – прародитель нашего теперешнего института, ВНИИОгаза. Там я и проработала, по существу, до декретного моего отпуска.

«Если б я повернул не туда, то попал бы в детский дом»

– У Андрея постоянно няньки были, – рассказывала Татьяна Константиновна. – Разные няньки. Вот последняя нянька его, с которой мы потом были вместе в эвакуации, была очень хорошая женщина, хорошо она подошла. Поля, Полина. У нее был сын, Витька. А жили мы тогда на улице Смирновка, в районе Рогожской заставы. Шоссе Энтузиастов теперь – в тех краях. В свое время каторжная застава была... Рогожская застава, по-моему. Это такой промышленный район, и там находился стекольный завод, на котором муж работал. Сначала у нас была отдельная комнатенка, там Андрей родился. Но очень быстро нас переселили в коммунальную квартиру, не бог весть какую, но там было уже удобнее. Там было несколько семей, жили мы очень дружно, люди все с завода. Это был поселок при заводе. Ездили до станции Карачарово по железной дороге.

А потом переселились на Сходню. Весной переехали на Сходню, а летом уехали в эвакуацию. Это был 1941 год. Весь завод переселился, почему на Сходню уехали, и там квартиры давали, приемлемые квартиры были вполне. Не помню уже точно, но было жилье, которое нам годилось.

В коммуналке на Смирновке нас было 4 семьи, жили мы

очень дружно, никаких ни ссор, ни свар не было. У всех были ребяташки, человек пять было ребят. И вот Поля эта как раз и ее сын жили, прекрасно все устраивались. Андрей был самый маленький из детей, другие были постарше его, но все такие погодочки. И он буквы стал учить – старшие учились по букварю, и он, глядя на них, тоже буквы учил. В общем, читать он выучился, глядя на старших.

А когда мы переезжали на Сходню, старшие уже в школу ходили, а Андрею исполнялось шесть лет. Весной 1941-го ему исполнилось шесть лет. Тогда в школу он еще не ходил. Прожили мы там очень недолго, потому что началась война.

На вопрос В. А. Успенского, где прошло его детство, Зализняк отвечает:

– В Москве и в эвакуации: сперва в Татарии, недалеко от Елабуги и Набережных Челнов. Сами понимаете, какая это деревня. Завод отца моего туда был эвакуирован. Поскольку в войну стекловарение было направлено на обслуживание военных самолетов, то он не подлежал мобилизации.

ВАУ: И что, в этой деревне варили стекло?

ААЗ: Нет, никакого стекла там не варили, туда были отправлены семьи сотрудников. А куда эвакуировался завод, я, конечно, сейчас уже не помню. Мы отца не видели во время войны, он был на своем военном заводе, приезжал только время от времени. Вообще у меня остались воспоминания. Я, конечно, помню хорошо и день начала войны. Под Москвой, на Сходне мы жили. Я помню яркий солнечный день,

раннее утро, солнце – и что-то они слушают по радио... Мне шесть лет. И совершенно непостижимый диссонанс между этим вот солнцем и радостью и – печально-тяжелыми лицами у мамы моей и у отца. Потом я понял, но это уже было сильно позже, что это была речь Молотова. Мы еще успели посидеть в траншеях под Москвой, вместо бомбоубежища были какие-то траншеи во время бомбежек. Это я запомнил. У меня такое есть детское воспоминание, что идет воздушный бой над нами; трассирующие пули, какой-то способ остановить этот немецкий самолет, я сейчас не понимаю как, но каким-то образом гибли же самолеты. И отчетливо помню, как выглядываешь... это был военного типа окоп, в котором можно было, пригнувшись, оказаться ниже на земле... и помню, что тогда же, ближе к ночи, – ну, Сходня все-таки от Москвы примерно 20 с чем-то километров – зарево пожара. Это был конец июля – начало августа 1941 года. А потом – помню, что уже каким-то образом мы плывем на барже по Волге. Помню место, когда Кама впадает в Волгу. Баржа должна была повернуть и пойти по течению вверх по Каме.

А перед этим был момент, который мама моя всегда вспоминает с содроганием, до сих пор. Кажется, дело было в Нижнем Новгороде, в Горьком, – впрочем, не могу быть уверенным, что точно помню, – где нужно было... Возможно, что это было перед посадкой на баржу, возможно, что до Горького нас довезли поездом. Сейчас уже не могу вспомнить. И был момент, когда нужно было 2 или 3 километра

пройти пешком. И поскольку дети не могут, им трудно это сделать, то было приказано всех детей оставить вместе, их привезут. Люди пусть идут пешком, а детей привезут. Деталей уже не помню. С какого-то момента моя мама забеспокоилась и из этого пешего похода вернулась – и встретила меня на полпути на улице. Я каким-то образом прокрался, ушел из этого сборища детей и пошел за мамой сам. Куда-то, неизвестно куда. И она меня встретила, возвращаясь туда. Если б я повернул не туда, а туда, то попал бы в детский дом.

...Я вспомнил некоторые детали. Это мало что меняет, но все-таки. Детей тогда, как мне рассказывала моя мама, все-таки посадили и отвезли. И провезли эти километры. И там караулили, на новом месте. И там, на новом месте, дети должны были ждать, когда пешком придут родители. Моя мама не возвращалась – видимо, это у меня уже абберация воспоминаний. Они всё шли, и моя мама с ужасом увидела, не доходя до того места: по дороге навстречу идет мальчик, и это я. Там я каким-то образом выбрался из этого оцепления и пошел куда-то такое встречать маму. Мама моя содрогается каждый раз от мысли, что, пойдя я по другой улице, все – детский дом.

Татьяна Константиновна, рассказывая об эвакуации, тоже первым делом вспоминала эту же историю:

– Очень быстро нас отправили в эвакуацию. Примерно где-то в конце июля начались разговоры об эвакуации, были всякие панические страхи, что в Москве пожары, то-се.

Нам по радио передавали, где и что. И на работе было уже постановление, что всех таких вот мам с детьми надо долой из Москвы. И в организованном порядке нас в июле месяце всех из Москвы вывезли. Погрузили на громадную баржу и водой отправили. Якобы в Чебоксары, а на самом деле мы попали в куриный совхоз в Челнах, на Оке. До Татарии нас только довели.

Я не помню, как так вышло, что нас к месту погрузки на эту баржу порознь привозили: детей отдельно, матерей отдельно. Только помню, что приехали, гляжу – где Андрей? А он один бегаёт где-то между грузовиков, один совсем. Я просто испугалась: как же так, ведь он потеряться мог! Ему шесть лет всего. Как я могла такое допустить? И так я разволновалась, что и не помню, как мы на этой барже плыли.

Мы попали на место уже где-то, наверное, в августе, в эту деревню на месте. Ещё успели картошку убрать, смородину ещё застали. Нас распределяли по деревням. Мы оказались в деревне Дмитровка. Это была русская деревня, в отличие от соседней, – там вперемешку были русские и татарские деревни.

Местные жители войне были рады скорее. Там были зажиточные люди, и они были настроены так: придет Гитлер и разгонит колхозы. Вот до колхозов было так хорошо, вот это наше поле... Они свою картошку всякими удобрениями удобряли, но сами ее не ели – только на продажу. Она такая большая выходила, жирная, красивая. А ели они колхозную,

помельче. Она поздоровее. Ну и мы на поле ее собирали. Там как? Соберешь девять ведер, десятое себе бери.

Но к нам там относились терпимо. Наверное, особой радости мы не доставляли, но, может быть, и не досаждали чересчур, потому что мы там что-то делали по возможности, старались работать. Зима была очень холодная, даже еще по тамошним временам считалась холодной – и в Москве, и там.

Андрей Зализняк, 1948 год

Весной муж мой приехал туда, когда началась навигация, когда можно было доехать; он приехал и увез нас оттуда к себе. За эту зиму их уже переселили, стекольный завод вывезли в Мончаж.

Завод из-под Сходни эвакуировали, переселили на пустое место, и вокруг этого пустого места возник поселок. И поселок этот потом стал называться город Натальинск. Я не знаю, сохранилось ли название, но это был, по существу, поселок вокруг завода. А до Мончажа там еще надо было добираться, Мончаж – это районный центр, административный, так сказать.

Там еще был такой эпизод, в жизни тамошней. Андрея укусила собака, про которую было подозрение, что она бешеная. Подозрение неправильное, но собака укусила его и укусила еще одного мужчину. И тамошние врачи тут же категорически отправили его на прививки. В поликлинике: что делать? Поскольку собаку быстро убили, про нее ничего не известно, а подозрение на бешенство – надо делать прививки. И Андрея пришлось отправить в больницу в Мончаж, и он там пробыл две или три недели, пока ему делали уколы против бешенства. И я туда ездила, его проводывала. Вот такое было у нас происшествие с этой собакой.

Я, как приехали в Мончаж, так сразу стала работать в лаборатории при стекольном заводе, на чисто аналитической работе. И Андрей там в школу ходил. При заводе была шко-

ла. Ведь при заводе поселок уже был – самостоятельная единица, так что и школа была.

Чем мы только там ни занимались! Свечки делали. Мыло варили. А мыло – это была очень существенная вещь. Знаете, в войну что это было – мыло! В войну все было ценно.

И прожили мы там с Андреем... Анатолий с заводом уехали раньше, мы потом оставались одни с Андреем. Там часть завода оставалась, часть возвращалась на Сходню, и муж мой с какой-то частью завода уехал. А нам было не так-то просто уехать. В те времена ведь было не просто – куда захотел, туда и поехал. Не то времечко. Двинуться с места – это знаете, какие разрешения нужны были? А потом, и некуда было. Там у меня все-таки была работа, было жилье, было какое-то положение – не было и смысла уезжать оттуда. И Андрей еще в школу ходил.

«Страх был, что хозяин узнает»

– А когда вы вернулись, вам дали жилье на Курбатовском? – спрашивал В. А. Успенский.

ААЗ: Не сразу. Сперва это была тоже еще Сходня. При чем там не было никакого жилья, мы просто снимали комнату у хозяев, прежде чем отцу моему, со всеми его инженерными достоинствами, дали комнатенку в Москве, которая по нынешним представлениям, конечно, ничем не отличается от собачьей конуры. Это была полуподвальная, полуподземная комната в такой развалюхе. Там мы прожили уже с 1945-го. Вернулись из эвакуации в 1944 году, год прожили на Сходне, снимая помещение. Мне было уже примерно 9–10 лет. Там я помню среди прочих эпизод, связанный с тем, что надо было тайно включать плитку. А плитка была такая, которая сейчас произвела бы впечатление: это была украденная на заводе плита, ну, заводского масштаба, которая нагревала всю квартиру, как печка. Такая плитка, конечно, забиравала электричество. Единственный способ контролировать, чтобы люди этого не делали, было то, что ходили контролеры, ловили тех, у кого такие плитки, потому что, конечно, у других тоже были. И моя задача была – сидеть на верху дома и смотреть, не идет ли контролер, потому что плитка включалась на короткое время – минут на 20: было достаточно, чтобы нагреть дом.

ВАУ: Как, а счетчик ничего не показывал?

ААЗ: Какой счетчик, бог с вами! Какой счетчик в 1945 году?

ВАУ: Как, за электричество никто не платил в 1945 году?

ААЗ: Я не знаю такого понятия «платить за электричество». Платил не знаю кто. Хозяин. Конечно, не за то, сколько он истратил. Потому что кто мог в 45-м году поставить столько приборов, чтобы узнать, кто сколько истратил? Ходили специальные люди, которые ловили. Сама плитка не могла бы стоять на видном месте, она стояла внутри печки. А печка запиралась заслонкой на случай, когда являлся контролер.

А дальше было то, что в какой-то непрекрасный день загорелись провода. В доме был один я. Загорелась стена около проводов. Ну, таким еще не бурным пламенем, но активным. Я совершенно отчетливо помню, что у меня был страх, но совершенно не тот, что можно предположить. Этот страх был таким, что хозяин узнает. Все остальное мне было совершенно... Поэтому я должен был не просто гасить это, а гасить таким образом, чтобы наружу не выходило никаких признаков гашения. Мне удалась эта задача. Помню, что я горд был собой необыкновенно. Необычайно был доволен собой, что я тяжелое испытание выдержал правильно: никому не стало известно, что был пожар. Это очень хорошо я запомнил. Потом мне стали объяснять, что мальчик молодец, все погасил. Это мне не приходило в голову – ничего кроме того, что я

правильно соблюл конспирацию. Воды ведь тоже не было, надо было идти куда-то за водой. Это я помню так живо, как будто это было несколько дней назад. Вот эту стену, залитую не пламенем еще живым, а таким красным калением, которое поднимается по проводам кверху. И ведь все деревянное ж было, весь дом деревянный.

– После эвакуации на Сходне, уже в другом месте, – вспоминала Татьяна Константиновна, – мы года не прожили и переехали в Курбатовский переулок. От завода нам дали помещение, комнату в коммунальной квартире, и мы там втроем жили вначале, с Андреем.

«Нашу дружбу лучше бы называть любовью»

– Ну, поступил в школу, стал ходить, как обычный школьник, – рассказывает Зализняк Успенскому. – Школа оказалась через дорогу от нашей этой комнатенки подвальной, поэтому комнатенка очень быстро стала клубом. Потому что после школы сразу уходить по домам – это настолько глупо по сравнению с тем, что можно заявиться ко мне. Родителей нет, все на работе. Мне оставлена еда, про которую строго наказано, что надо ее съесть. А я ее ел плохо. И все помогали.

Справа налево: ААЗ, Леонид Никольский, Анатолий Абрамович; 1951 год

ВАУ: И много людей приходило?

ААЗ: Ну, десяток, наверно.

ВАУ: И кто же были эти люди? Они остались потом?

ААЗ: Потом остались. Не все десять, конечно. Пять человек, при этом один из них на самом деле не был в классе, но включился в эту компанию позже. Это Гелескул. Он включился через Адольфа Николаевича, который сам ушел. Они

как бы обменялись: Адольф Николаевич ввел Гелескула... Да. Михаил Михайлович Рачек, Толя Абрамович и Леонид Никольский. Это была компания, которая через какое-то время присвоила себе имя «Курозад» – специальное сокращение: Курбатовское общество защиты дарований.

Пятеро. На всю жизнь. Они на всю жизнь.

Один из последних оставшихся в живых школьных (на всю жизнь!) друзей Зализняка, Леонид Алексеевич Никольский, по кличке Чиж, вспоминает:

– После войны все, как Заля, возвращались в Москву. И, возвращаясь в Москву, попадали в сумбур, в эту свалку человеческих сословий, культур различных. Заля попал ведь в рабочий район. И вот из этого человеческого материала, что называется, вот что есть на Красной Пресне – из этого и делай себе друзей. И люби их потом еще всю жизнь!

Они переехали в начале года. Скорее всего, это конец четвертого класса, но какие-то дружеские связи завязались не раньше пятого. Мне кажется, что в этот период даже, как еще в самом раннем детстве, нас связывали больше такие случайности. И с Андрюшкой мы сблизились, потому что рядом два двора, лазейка – дыра в заборе, и все. Это, грубо говоря, удобно было. Мне было любопытно: новый человек, рядом живет. Соседи. Я заглянул во двор, пригласил к себе... И так далее. И там уже был приятель – это Мишка Рачек.

Михаил Михайлович Рачек

– Мишка – это была совершенно особая статья, – продолжает рассказывать Леонид Никольский. – В этом смысле я был нейтральной фигурой. Условно говоря, такой вот никакой ученик, не какая-то яркая фигура в классе. Я к тому времени уже пробовал на гитаре что-то играть, напевал что-то такое. Это уже было здорово для пятого класса. Тогда это была большая еще редкость: гитара, да и вообще песни, особенно если иметь в виду наш репертуар. Со мной можно, по крайней мере, не скучать. Мишка в этом смысле, да и по всем канонам, антипод. Это абсолютно из другого мира человек. До самого последнего времени, даже когда для нас это уже было совершенно нормально и Мишка был ближе некуда, тетю Таню, Залину маму, ее подруги все еще спрашивали: «А почему Мишка? Почему Мишка?!»

Я бы не сказал, что он был хулиган, потому что там действительно была Пресня, район хулиганский. Не хулиган – непутевый. Если его вне контекста компании смотреть и не знать, например, что он друг Андрюхи Зализняка, то любая воспитанная мама сказала бы: «Ты с ним не водись!» Но невоспитанная мама – и моя, кстати говоря, тоже, – у кого есть чутье материнское, они вообще в это дело не лезли. Вот этот естественный выбор их ребенка был для них законом. Поэтому и моя мама, и тетя Таня никогда ни слова... А с точ-

ки зрения постороннего человека, это непутевая личность, абсолютно. Я уже не говорю о том, что безумный ученик. Вот из тех дерганных, которых вышвыривают, переводят из класса в класс. Он, кстати, в седьмом классе уже у нас не был, его просто перевели: он передрался, переругался со всеми учителями. Он бросал чернильницу в них. Он до тех пор, пока не повзрослел немножечко, чуть-чуть не окреп, нервический был. Наверное, можно было бы назвать и семью неблагополучной, на самом деле.

М. М. Рачек, 1950-е гг.

Я бывал у него дома, знаю, что отец какой-то где-то в спецорганах работал, но небольшим чином. И, видимо, был уже списан, потому что просто не просыхал, пил. Мама была, видимо, раньше красивой женщиной, и он ее бил. Тяжело было. Но Мишка так любил своих друзей! Как будто бы какой-то человеческий талант спасал себя вот в этих дружеских отношениях, потому что так, как Мишка был привязан к своим друзьям, и как он любил, и как это видно было, как он гордился... Это было его главное достояние и главное завоевание в его жизни – его друзья. И вот это я только к большой уже старости стал понимать, как дорого это стоило тогда, – когда в четвертом, в пятом классе ты переходишь в подростковый возраст, абсолютно чужой, абсолютно непонятный, невнятный мир, который еще нужно самому каким-то образом окучить, собрать вокруг себя... Из чего, из какого материала – совершенно непонятно. И главное, как я теперь понимаю, что мы все искали – мы искали такой гарантированной, что ли, привязанности, любви, как в семье, в доме, от ближайшего окружения. И тот, кто нес в себе это умение любить... Я до сих пор считаю, что нашу дружбу лучше бы называть любовью, на самом деле.

О Михаиле Рачеке вспоминает также уже более поздний, университетский друг Зализняка, математик Владимир Михайлович Тихомиров:

– Много раз Андрей жаловался на свою память. Что он плохо запоминает стихи, например. Как-то ему довелось прочесть у Пуанкаре, что математику не нужна какая-то особенно замечательная память. Андрею нравилось, что при этом Пуанкаре ссылался на себя (что у него, Пуанкаре, память неважная). А о том, какова профессиональная память Андрея Зализняка, я узнал от Рачека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.